

ПЯТЬ ПЕПЕЛЬНЫХ ТРОП

Дмитрий Капустин

Пять пепельных троп

<https://litres.ru/74426539>

SelfPub; 2026

Аннотация

ПЯТЬ ПЕПЕЛЬНЫХ ТРОП

Пять мест, откуда не возвращаются прежними.

«Мерзлота» — вечная мерзлота вскрывается, и вместе с древним льдом на поверхность выходит то, что должно было спать вечно.

«Квартира 13» — в старом доме на окраине есть квартира, которой нет на плане. Но она есть в кошмарах тех, кто однажды поднялся на тринадцатый этаж.

«Глухово» — поселок, стертый с карт еще в девяностые. Туда не ходят поезда. Зато оттуда иногда приходят люди. Если их еще можно назвать людьми.

«Песнь ворона» — черная птица садится на подоконник того, кто скоро умрет. Она не предвещает беду. Она ее приносит.

«Лес шепчущих» — у этого леса нет названия на картах, но есть имя. И если ты услышал свое — уже поздно.

Пять историй. Пять голосов тьмы. Пять дверей, которые лучше не открывать.

Содержание

Глухово	4
Квартира 13	69
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Дмитрий Капустин

Пять пепельных троп

Глухово

ГЛАВА 1. ДОРОГА В НИКУДА

Тьма приходит не тогда, когда гаснет свет. Она приходит, когда ты понимаешь, что свет больше никогда не зажжется.

Дорога до Глухово заняла у Артёма почти восемь часов, и с каждым километром ему казалось, что он едет не на север, а в прошлое.

Сначала пропала связь. Телефон на держателе, прикрепленном к лобовому стеклу старенького «Соляриса», мигнул последней палочкой сети и превратился в бесполезный кусок пластика с калькулятором. Затем закончились нормальные заправки. Вместо ярких вывесок с хот-догами и кофе появились ржавые будки с одинокими мужиками в ватниках, которые заправляли бензин вручную, глядя на московские номера так, будто Артём прилетел с Марса.

И, наконец, закончились люди.

Трасса сузилась до одной полосы, зажатой между двумя стенами хмурого, черного леса. Ели стояли так плотно, что снег ложился только на верхушки, а под кронами царил веч-

ный, сырой полумрак.

— Твою мать, — пробормотал Артём, вглядываясь в карту, распечатанную на принтере. Чернила на сгипе, где должно было находиться Глухово, расплылись в серое пятно.

Наследство. Смешно. Ему, тридцатичетырехлетнему неудачнику, который уже месяц как сидел на мели и договаривался с коллекторами об отсрочке, вдруг сваливается на голову дом. Да не просто дом, а целое поместье, судя по документам. Двоюродный дядя Семён, о существовании которого Артём узнал из письма нотариуса, оставил ему «деревянное строение с прилегающим участком и библиотекой».

«Библиотека» — это слово и зацепило. Артём мысленно прикинул, сколько могут стоять старые книги, если это действительно антиквариат. Возможно, дядюшка был коллекционером. Возможно, удастся сорвать куш и закрыть долги.

Но сейчас, глядя на этот бесконечный серый снег и молчаливые деревья, Артём понимал, что цена этого «куша» может оказаться слишком высокой.

Дорога сделала крутой поворот, и машину занесло. Задние колеса завизжали по ледяной колее. Артём выругался, выравнивая руль. Сердце бухнуло в груди.

В свете фар, метрах в двадцати, стояло нечто.

Артём ударил по тормозам. Ремень врезался в грудь.

Это был лось? Нет. Слишком высокий. Оно стояло на обочине, возвышаясь над сугробом. Силуэт напоминал человека, но человек не может быть таким длинным. В свете фар

Артём успел разглядеть только темную, костлявую фигуру, которая не убегала, а просто стояла, слегка покачиваясь, будто водоросль под водой.

А потом оно шагнуло в лес.

Не побежало. Именно шагнуло, плавно и бесшумно, растворившись в черноте стволов.

Артём еще минуту сидел, вцепившись в руль, слушая стук собственного сердца. Печка дула теплым воздухом в лицо, но его бил озноб.

— Показалось, — сказал он вслух. Голос прозвучал глухо и неубедительно. — Свайный столб. Или коряга.

Он тронулся с места. Машина, кашлянув, поехала дальше.

Вскоре деревья расступились, и Артём увидел поселок.

Он оказался меньше, чем Артём ожидал. Два десятка домов, утопающих в сугробах по самые окна, пара заброшенных пилорам, уродливый остов бывшего клуба с выбитыми окнами и небольшое кирпичное здание администрации с облупившимся гербом. Над единственной улицей висели провода, провисшие под тяжестью снега. Где-то вдалеке, за черной полосой леса, угадывалась гладь озера. Артём остановил машину у покосившегося указателя. Надпись на нем почти стерлась, но можно было разобрать:

«ГЛУХОВО. Основано в 1831 г.»

И ниже, свежей белой краской, неровным почерком кто-то дописал:

«УЕЗЖАЙ, ПОКА ЖИВ».

Артём усмехнулся. Детские шалости. Хотя какие, к черту, дети в этой дыре?

Он нашел нужный дом на другом конце поселка. Он стоял на отшибе, у самой кромки леса. Артём ожидал увидеть развалюху, но реальность превзошла ожидания. Дом был огромен. Двухэтажный, из почерневших от времени бревен, с высокой крышей и мансардой. Окна были закрыты ставнями, что придавало дому вид слепца. Единственное, что портило картину сурового величия — это свежие, наколоченные крест-накрест доски на входной двери и ярко-оранжевые бирки МЧС на воротах.

«Дом С. К. Вяземского. Объект N 7. НЕ ВСКРЫВАТЬ».

Артём вышел из машины. Морозный воздух обжег легкие. Тишина стояла такая, что звенело в ушах. Ни лая собак, ни крика птиц. Только снег, скрипящий под ботинками, и его собственное дыхание, вырывающееся клубами пара.

Он подошел к калитке. Петли заржавели. Сорвав веревку, он вошел во двор.

Здесь было холоднее. Заметно холоднее, чем на дороге. Дом нависал, как гигантский улей. Артём поднял глаза к окнам второго этажа и вздрогнул: ему показалось, что за мутным стеклом промелькнула тень.

— Разум играет злые шутки с уставшими людьми, — прошептал он, повторяя фразу своего психотерапевта, к которому ходил после увольнения.

Он обошел дом вокруг. Задняя стена. Одна из ставен ока-

залась сорвана. Окно чернело, как открытый рот. Артём сунул руку под пальто, нащупал в кармане перочинный нож. Глупо, конечно. Но так было спокойнее.

Внутри дома было темно и пахло пылью, смешанной с чем-то сладковатым, приторным, похожим на запах гниющего дерева. Артём включил фонарик на телефоне. Луч вырвал из мрака кусок комнаты: старинный буфет, стол, накрытый клеенкой, и... целую стену книжных полок.

Книги. Их были сотни. Они стояли ровными рядами, не тронутые молью и сыростью. Артём подошел ближе. Это были не бульварные романы. Толстые фолианты в кожаных переплетах, с выцветшими золотыми тиснениями на неизвестных языках. На некоторых были замки.

Он провел пальцем по корешку одной из книг. «De Vermis Mysteriis». Странное название. Книга была тяжелой и очень холодной.

В этот момент он услышал звук.

Скрип. Медленный, протяжный, похожий на шаг по половицам.

Звук шел сверху.

С потолка на пол, прямо перед ногами Артёма, упала маленькая струйка пыли. Он замер. В доме явно кто-то был.

— Эй! — крикнул он, ненавидя себя за дрожь в голосе.
— Здесь есть кто живой?

Тишина.

А затем — легкий, почти неуловимый детский смех. Он

раздался не сверху и не снизу, а будто бы прямо внутри его головы, между ушей.

Артём резко обернулся, выставив нож. Луч фонаря заметался по стенам. Никого.

Смех оборвался.

Сквозняк, подумал Артём. И старые трубы. В таких домах все звучит иначе.

Он не хотел здесь находиться. Инстинкт, древний, как само человечество, кричал: «Беги». Но вместо этого Артём сделал шаг к лестнице, ведущей наверх.

Деревянные ступени застонали под его весом. Он поднялся медленно, прислушиваясь к каждому шороху. Наверху оказался длинный коридор с тремя дверями. Две были заколочены, третья приоткрыта.

Он толкнул ее.

В комнате стояла детская кровать. Старая, железная, с панцирной сеткой. На подушке, аккуратно сложенная, лежала старая фотография.

Артём подошел и поднял ее. Снимок был черно-белый, потрескавшийся. На нем был изображен мужчина с длинной бородой и странными, слишком большими глазами, а рядом с ним — мальчик лет семи. Артём вгляделся в лицо мальчика и почувствовал, как желудок сжался в ледяной ком.

У мальчика не было зрачков. Только белые, закатанные белки.

И он улыбался.

Вдруг на Артёма, из темноты дверного проема, посмотрели две пары таких же белых, светящихся в темноте глаз.

ГЛАВА 2. СВИДЕТЕЛЬ ПУСТОТЫ

Есть места, где время не течет — оно гниет.

Артём не помнил, как выскочил из дома.

Сознание зафиксировало только белый снег, обжигающий лицо, и резкий, колючий воздух, который рвал легкие. Он бежал, спотыкаясь, проваливаясь по колено в сугробы, пока не оказался у машины. Руки тряслись так, что он дважды ронял ключи, матерясь сквозь зубы. Только когда двери заблокировались с мягким щелчком, а печка загудела, выпуская теплый воздух, Артём позволил себе выдохнуть.

В зеркале заднего вида дом стоял неподвижно. Слепые окна. Черные бревна. Никакого движения.

— Там никого не было, — произнес он вслух, и собственный голос показался ему чужим. — Просто сквозняк. Просто тени. Просто...

Он не договорил. Потому что знал: то, что он видел на фотографии, не было игрой света.

Мальчик с белыми глазами смотрел на него из-за двери.

Артём с силой провел ладонями по лицу, пытаясь стереть липкое ощущение чужого присутствия. Сколько он просидел в машине — пять минут или полчаса? Телефон показывал 16:47. Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая снег

в болезненно-розовый цвет. Скоро стемнеет. А он сидит в машине на краю мертвого поселка, и у него нет ни еды, ни воды, ни нормальной связи.

Нужно было найти людей.

Артём завел двигатель и медленно поехал по единственной улице. Свет в окнах горел только в двух домах. Остальные — темные провалы, заколоченные крест-накрест. Поселок умирал, и умирал давно.

Первый жилой дом выглядел более-менее обитаемым: расчищенная дорожка, свежие следы валенок на снегу, дым из трубы. Артём остановился, вышел и постучал в калитку.

Тишина.

Он постучал громче.

Где-то за дверью послышалось шарканье. Потом скрип, и в щели мелькнул чей-то глаз.

— Чего надо? — голос был старческий, надтреснутый, но не враждебный. Скорее усталый.

— Я по поводу наследства, — Артём попытался придать голосу уверенность. — Дом Вяземского. Я его племянник.

За дверью помолчали. Потом щелкнул замок, и на пороге появился старик.

Ему было лет семьдесят, не меньше. Маленький, сухой, как осенний лист, с глубокими морщинами, изрезавшими лицо, и редкой седой бородой. Но глаза — живые, цепкие, смотрели на Артёма с такой проницательностью, что ему стало не по себе.

— Значит, племянник, — старик усмехнулся, обнажив желтые зубы. — А я уж думал, не приедет никто. Заходи.

Внутри было тепло и пахло сушеными травами. Артём огляделся: старинная русская печь, занимавшая треть комнаты, на стенах — пучки зверобоя и полыни, в углу — иконы, темные от времени. На столе — керосиновая лампа и раскрытая книга с пожелтевшими страницами.

— Игнат Ефимович, — представился старик, не подавая руки. — Местный... скажем так, смотритель.

— Артём Савельев. — Он почувствовал себя неловко. — Из Москвы.

— Знаю, откуда. По номерам видать, — Игнат прошел к столу, сел на лавку, кивнул на табурет. — Садись, гостем будешь.

Артём сел. Молчание затягивалось. Старик смотрел на него, не мигая, будто взвешивал.

— Ты уже был в доме, — произнес он наконец. Это был не вопрос.

— Был.

— И что видел?

Артём хотел соврать. Сказать, что ничего, просто осмотрел и ушел. Но слова застряли в горле.

— Фотографию, — сказал он. — И... мне показалось, что я там не один.

Игнат медленно кивнул, будто слышал именно то, что ожидал.

— Плохо, что ты туда полез, — сказал он. — Дом этот не любит, когда в него лезут без спросу.

— Дом? — Артём невесело усмехнулся. — Вы говорите так, будто он живой.

Старик поднял на него глаза, и Артём увидел в них нечто такое, от чего все веселье мгновенно испарилось.

— А ты думаешь, нет? — спросил Игнат тихо. — Дом — это только скорлупа. Оболочка. Под ним, в земле, лежит то, что спало сотни лет. А дом — он как крышка на кастрюле. Не дает этому... выйти.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Что за чушь? — он встал. — Если это такой портал в ад, почему вы здесь живете? Почему не уехали?

Игнат не ответил сразу. Он встал, подошел к окну и долго смотрел на темнеющую улицу.

— Потому что я — свидетель, — произнес он наконец. — Сторож. В каждой такой дыре должен быть кто-то, кто помнит. Кто знает, как не разбудить то, что внизу.

Он повернулся к Артёму.

— Твой дядька, Семён, тоже был сторожем. Только он свой пост бросил. Сорвался. Начал копать то, что копать не следовало. — Игнат помолчал. — Когда его нашли, он сидел посреди комнаты и рвал книги. Просто сидел и рвал страницы, одну за другой, часами. Пальцы в кровь. А на вопрос, зачем он это делает, ответил: «Оно уже прочитало».

В комнате повисла тяжелая тишина. Где-то в печке трес-

нуло полено, и Артём вздрогнул.

— И где он сейчас? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— В областной психушке, — Игнат развел руками. — Если еще жив. Три года как увезли. Все кричал, что из озера выходят люди с черными лицами.

Артём вспомнил темную фигуру на обочине. Высокую, покачивающуюся, как водоросль. Он сглотнул.

— Послушайте, — начал он, стараясь, чтобы голос звучал твердо, — я сюда не за мистикой приехал. Мне нужно продать дом. И если вы знаете, что там происходит, может, можете мне не сойти с ума, пока я здесь?

Игнат усмехнулся, но глаза его остались серьезными.

— Уже поздно, парень. Ты вошел внутрь. Это как зайти в клетку к голодному тигру — можно еще выйти, но запах твой он запомнил.

Старик подошел к столу, выдвинул ящик и достал маленький холщовый мешочек.

— Вот, — сказал он, протягивая его Артёму. — Соль. Четверговая. Не спрашивай, где взял. Будешь спать — насыпь под порог. И под подушку положи.

Артём хотел отказаться, но рука сама потянулась к мешочку.

— Я не собираюсь здесь ночевать, — сказал он.

— А куда ты поедешь? — спросил Игнат. — Трассу до утра не открыть. Снегопад к ночи будет — завалит все. Твоя легковушка и до поворота не дойдет.

Это было правдой. За окном уже начинал сыпать мелкий, сухой снег, колючий, как песок.

— У меня есть комната, — неожиданно предложил старик. — Тесная, но теплая. Переночуешь здесь. А завтра подумаем, что с домом делать.

Артём хотел ответить, но в этот момент его взгляд упал на раскрытую книгу, лежавшую на столе. Он не знал языка, но одна фраза, написанная на полях карандашом, была на русском. Почерк был неровный, с наклоном влево, будто писавший спешил или боялся.

*«Оно не спит. Оно ждет, когда его позовут по имени. Имя его — ***»

Последнее слово было зачеркнуто так сильно, что бумага порвалась.

Игнат резко захлопнул книгу.

— Не смотри туда, — сказал он глухо. — Не сейчас.

ВСТАВКА ИЗ ДНЕВНИКА С. К. ВЯЗЕМСКОГО **(запись 17)**

«Они приходили снова. Я слышал, как они царапались в стены. Не снаружи — изнутри. Как будто дом сам переворачивает их, и они просят выпустить наружу. Я нашел щель в подполе. Там пахнет мокрой землей и еще чем-то... сладким, как падаль. Я забил ее досками, но к утру доски прогнили. Гниль была черная, с белыми прожилками. Я никогда не видел такой. Она шевелилась. Жена сказала, что нам надо уехать. Я сказал, что не могу. Я сторож. Я дал слово.

Но я не помню, кому я его дал. Помню только, что где-то там, внизу, лежит дверь. И дверь эта не должна открыться. Кто-то должен остаться. Кто-то должен...»

(Далее текст обрывается на середине предложения, переходя в неразборчивые каракули)

Артём лежал в маленькой комнате на жесткой лежанке и смотрел в потолок.

Соль он, конечно, насыпал. Чувствуя себя полным идиотом, но насыпал. И под порог, и под подушку. Теперь эта соль хрустела под простыней при каждом движении, напоминая ему, как низко он пал. Верить в бабкины сказки.

За окном выл ветер. Ставни постукивали. Где-то далеко, на грани слышимости, скрипело дерево — будто что-то большое ходило по поселку, переступая с бревна на бревно.

Артём закрыл глаза.

И почти сразу услышал.

«Артёёём...»

Голос был тонкий, детский, и доносился он не снаружи, а откуда-то из-под пола.

«Артёёём... посмотри на меня...»

Он не открывал глаза. Он сжал зубы и накрыл голову подушкой. Сердце колотилось где-то в горле.

А потом он почувствовал запах. Сладковатый, тошнотворный, запах гниющего дерева и мокрой земли.

И чье-то дыхание у самого уха.

ГЛАВА 3. ЧУЖИЕ СНЫ

Сон — это дверь, которую мы закрываем за собой каждую ночь. Страшно не то, что кто-то может войти. Страшно то, что дверь может исчезнуть.

Артём не спал до рассвета.

Он лежал, слушая, как ветер скребется в окно, как дом Игната поскрипывает и стонет под порывами метели, и пытался убедить себя, что дыхание у уха было сном. Просто сном. Гипнагогической галлюцинацией, вызванной стрессом, усталостью и разговорами о проклятых домах.

Но запах...

Запах гниющего дерева остался в ноздрях до самого утра.

Когда серый рассвет просочился сквозь заиндевевшее окно, Артём поднялся. Тело ныло, голова была тяжелой, будто он не спал неделю. Соль под подушкой сбилась в комок, смешавшись с потом.

В кухне уже гремел посудой Игнат. Старик выглядел так, будто встал задолго до рассвета, а может, и вовсе не ложился.

— Садись, — сказал он, не оборачиваясь. — Каша, чай. Больше ничего нет.

Артём молча сел за стол. Есть не хотелось, но он заставил себя проглотить несколько ложек пресной овсянки. Игнат сел напротив, положив перед собой морщинистые руки.

— Ночью к тебе приходил кто, — произнес он. Снова не вопрос.

Артём отложил ложку.

— Голос, — сказал он. — Детский. Из-под пола. И дыша-

ло что-то. Прямо над ухом.

Игнат медленно кивнул:

— Это оно. Началось.

— Что «это»?

— Ты ему понравился, — старик говорил спокойно, будто о погоде. — Когда оно зовет по имени — значит, отметило. Теперь будет ходить за тобой. Везде, где бы ты ни был.

Артём провел рукой по лицу. Щетина кололась.

— Мне нужно уехать, — сказал он. — Сегодня же.

— Дорога не расчищена, — пожал плечами Игнат. — Трактор из района придет не раньше завтрашнего полудня. Если вообще придет. За последний год тут такое творится, что и коммунальщики боятся ездить.

— Что творится?

Старик поднялся, подошел к окну. За стеклом — белая стена снега. Метель утихла, но небо оставалось тяжелым, свинцовым.

— Люди болеют, — сказал он. — Не простудой. Не гриппом. У них сны. Одинаковые. Всем снится, как они идут к озеру, ложатся на лед и смотрят вниз, в темную воду. А там — лица. Много лиц. Они прижимаются ко льду изнутри и улыбаются.

Артём почувствовал, как холодок пробежал по позвоночнику.

— Люди здесь и так странные, — продолжил Игнат. — Но этой зимой стало хуже. Миронов, почтальон, третьего дня

ломом соседу голову пробил. Говорит, тот ему шептал что-то на ухо по ночам. А сосед в больнице скончался. Не от раны — от ужаса. Врачи сказали, сердце не выдержало.

— А вы? — спросил Артём. — Почему вы не болеете?

Игнат обернулся. В глазах его мелькнуло что-то похожее на усталую усмешку.

— А кто тебе сказал, что не болею? — он поднял рукав рубахи.

На худом предплечье старика, от запястья до локтя, тянулись длинные белые шрамы. Свежие, поверх старых. Слишком ровные, слишком методичные.

— Боль не дает спать, — сказал Игнат. — Пока болит — оно не может войти. Я так и держусь. Тридцать лет уже.

Артём отвернулся. Ему вдруг стало душно. Захотелось на воздух, подальше от этого дома, от этих шрамов, от этих разговоров.

— Мне нужно идти, — сказал он, вставая. — В дом. Дядин дом. Мне нужно найти документы. Понять, что делать с имуществом.

— Сходи, — тихо сказал Игнат. — Только не поднимайся наверх. И не трогай книги. Особенно те, что с замками.

— Почему?

— Потому что там, где закрыто, — старик помолчал, — там не для нас.

Поселок днем выглядел еще более мертвым, чем ночью.

Артём шел по расчищенной тропинке, утопая в снегу по

щиколотку. Дома стояли серые, молчаливые. Ветер гнал по улице сухую снежную крупу. Ни одной живой души. Даже ворон не было видно, а ведь в такую погоду они обычно кружат над поселками в поисках падали.

У одного из домов Артём заметил странное: все окна были замазаны изнутри какой-то темной жижей. Похоже на деготь или смолу. На двери — свежий замок снаружи. Кто-то запер людей внутри? Или наоборот — запер то, что внутри?

Он ускорил шаг.

Дом дяди встретил его прежним молчанием. Снег во дворе был нетронут, но Артём заметил кое-что, от чего внутри все оборвалось.

Следы.

Они от калитки к крыльцу. Не вчерашние. Свежие. Маленькие, босые. Детские.

И заканчивались они прямо у входной двери.

А на двери, поверх старых досок, была нацарапана кривая надпись:

«ЗАХОДИ. Я СОСКУЧИЛОСЬ»

Артём отступил на шаг. Рот пересох. Он огляделся — никого. Только тишина, ватная, давящая на уши.

— Это розыгрыш, — прошептал он. — Кто-то решил напугать приезжего.

Но внутренний голос, тот самый, что звучит, когда разум отключает защитные механизмы, ответил: *«Детские босые следы на снегу в минус двадцать? Какой розыгрыш, дурак?»*

Он все равно вошел.

Но не через главную дверь. Через заднее окно, которое вчера оставил открытым. Внутри было холодно, но не так, как снаружи. Пахло той же сладковатой гнилью, что и ночью.

Артём включил фонарик и двинулся по первому этажу. Он искал кабинет. Должен быть кабинет. У такого человека, как дядя Семён — коллекционера, затворника, сумасшедшего — обязательно было место, где он работал.

Кабинет нашелся за кухней, в дальнем углу.

Это была небольшая комната с одним заколоченным окном. Вдоль стен — стеллажи с папками, карты, разложенные на столе, груда исписанных тетрадей. Артём подошел ближе.

На столе лежала большая карта местности. Топографическая. Он узнал очертания озера, поселок, лесной массив. И вся карта была испещрена пометками. Кружочки, стрелки, вопросительные знаки. Но главное — красным карандашом было обведено несколько точек на льду озера.

Пять точек. Они образовывали почти идеальную пентаграмму.

А в центре — шестая точка, зачеркнутая так, что бумага порвалась.

Артём провел пальцем по этим пометкам. Руки дрожали. Он вспомнил вчерашнюю фигуру на дороге. Она появилась как раз со стороны озера.

Внезапно сзади послышался шорох.

Артём резко обернулся, выхватив нож. Луч фонаря мет-

нулся по стенам. Никого. Только на полу, в пыли, лежала раскрытая тетрадь. Он готов был поклясться, что минуту назад ее здесь не было.

Он медленно подошел, наклонился.

Страница была исписана тем же неровным почерком, что и дневник.

«Они ходят кругами. Каждую ночь. Лед помнит их шаги. Если встать в центр и посмотреть вниз, можно увидеть дверь. Но нельзя смотреть долго. Потому что дверь откроется. И тогда уже ты увидишь нас. И мы улыбнемся тебе из глубины».

Ниже приписка, свежая, сделанная, кажется, совсем недавно:

«Ты зря приехал, Артём».

Пол под ногами Артёма дрогнул.

Едва заметно. Будто кто-то огромный пошевелился под домом.

И в этот момент он услышал, как наверху, на втором этаже, скрипнула дверь. Медленно. Протяжно. Будто кто-то открывал ее изнутри.

ВСТАВКА ИЗ ДНЕВНИКА С. К. ВЯЗЕМСКОГО
(запись 23)

«Я слышал сегодня, как она пела. Голос шел из колодца, что за огородом. Колодец я завалил еще в прошлом году, но голос пробивался сквозь доски. Она пела о том, что под землей есть город. Белый город с высокими башнями. И что в

этом городе никто не спит. И что она ждет меня. Жена говорит, что у нас нет колодца. Что мне все снится. Но я знаю — она просто боится. Боится, что я найду вход. А я его найду. Потому что должен. Потому что иначе оно придет само. И заберет всех. Не только меня. Всех».

(Запись обрывается. Далее — несколько страниц заполнены одним и тем же словом: «ГЛУБЖЕ». Написано с нарастающим нажимом, последняя строка продавила бумагу насквозь).

Артём не стал подниматься вверх.

Он выскочил через то же окно, чувствуя, как паника, словно ледяная вода, поднимается от живота к груди. Он бежал до самой машины, не оглядываясь. И всю дорогу, пока он бежал, ему казалось, что за ним из темных окон дома наблюдают. Не одни глаза. Сотни.

Он завел двигатель. Машина зарычала, выплевывая клубы белого дыма.

— Нужно уезжать, — сказал он вслух. — К черту дом. К черту наследство. К черту все.

Он нажал на газ.

Колеса прокрутились на месте, затем схватили снег, и машина рванулась вперед. Артём гнал по улице, распугивая тишину ревом мотора. Мимо мелькали серые дома, заколоченные окна, черные провалы дворов.

Впереди показался поворот на трассу.

Он вывернул руль.

И ударил по тормозам.

Дороги не было.

Точнее, дорога была, но она... заканчивалась. Через пятьдесят метров после поворота. Дальше — сплошная стена леса. Снег. Темнота. И никакой колеи.

Артём сидел, вцепившись в руль, и смотрел на эту стену деревьев. Он проехал вчера по этой дороге. Он был уверен.

Он вышел из машины. Мороз ударил в лицо. Вокруг — белое безмолвие. Ни ветра, ни звуков. Только лес.

И на снегу, перед самым капотом, Артём увидел следы.

Маленькие. Босые.

Они выходили из леса и обходили машину по кругу.

Три раза.

ГЛАВА 4. БЕЛАЯ ПУСТОТА

Человек может привыкнуть к чему угодно. К боли, к страху, к одиночеству. Но никто не может привыкнуть к невозможному.

Сколько он простоял у машины, глядя на стену леса, Артём не знал. Минуты? Часы? Время в Глухово текло иначе — вязко, как холодный кисель, и так же липло к рукам.

Следы вокруг машины были четкими. Маленькие, босые, с растопыренными пальцами. Они обходили «Солярис» ровно три раза, а затем уходили обратно в лес, туда, где не было дороги. Туда, где сплошной черной стеной стояли ели.

Артём заставил себя сесть обратно в машину. Внутри было тепло — печка работала. Он сцепил руки на руле, пытаясь

унять дрожь, и попробовал мыслить рационально.

Он что-то пропустил. Дорога не могла просто исчезнуть. Возможно, он свернул не туда. Возможно, вчерашняя метель замела единственную колею, и он просто проехал мимо поворота. Или этот чертов поселок весь сбит так, что ориентироваться невозможно.

Но он не верил в это. Потому что вчера он отчетливо помнил указатель. Помнил старый, покосившийся столб с надписью «Глухово». Помнил приписку «Уезжай, пока жив».

Теперь столба не было.

Артём развернулся и медленно поехал обратно. Машина скрипела снегом, фары выхватывали из белой пелены то покосившийся забор, то черный остов сарая. Поселок встречал его прежним молчанием.

Он остановился у дома Игната. Дверь была приоткрыта, из трубы шел дым. Артём вышел, зашел во двор. И замер.

На снегу перед крыльцом, поверх его собственных следов, лежали те же детские отпечатки. Они вели от входа к калитке и обратно. Будто кто-то маленький вышел из дома, дошел до ворот, постоял и вернулся.

Но Игнат жил один. Артём был в этом уверен — никаких признаков ребенка, ни вещей, ни фотографий.

Он вошел. В доме было тихо. Только часы на стене мерно тикали — старые, с маятником, они будто отсчитывали не время, а шаги.

— Игнат Ефимович? — позвал Артём.

Ответа не последовало.

Он прошел в кухню. Стол был убран, на плите стоял чайник, еще теплый. На табурете у печки лежала раскрытая книга. Артём не стал к ней приближаться. Вчерашний опыт научил его держаться подальше от старых страниц.

— Игнат? — позвал он громче.

Наверху что-то скрипнуло. Артём поднял голову. Он не знал, есть ли в доме второй этаж — вчера старик показал ему лишь кухню, каморку и сени. Но теперь он заметил узкую лестницу в углу, за печкой. Темную, кривую, она уходила вверх.

Он не хотел туда подниматься.

Он все равно пошел.

Ступени скрипели под ногами, и звук этот был почти живой. Наверху оказалась одна-единственная дверь, приоткрытая на ладонь. За ней — темнота, плотная, как дым.

— Игнат Ефимович? — повторил Артём и толкнул дверь.

За дверью была комната. Совсем маленькая, под самой крышей. Вдоль стен — полки. И на них — свечи. Сотни свечей. Оплывшие, пожелтевшие, сгоревшие до основания. На полу, в центре, был нарисован круг. Или, вернее, выцарапан в досках чем-то острым. Внутри круга — символы. Артём узнал несколько: один был похож на перевернутую пентаграмму, другой — на стилизованный глаз, третий — просто спираль, уходящая в никуда.

В круге стоял Игнат.

Старик стоял спиной, вытянув руки вдоль тела, и не двигался. Он был бос, рубаха навыпуск, голова опущена. Свечи вокруг него не горели, но на кончиках фитилей дрожали синеватые огоньки, слишком ровные, слишком слабые для живого пламени.

— Игнат... — выдохнул Артём.

Старик не обернулся. Но губы его зашевелились. Он что-то шептал — быстро, захлебываясь, будто молился на незнакомом языке. Слова были чужие, гортанные, они царапали воздух, как когти.

Артём хотел отступить, но ноги не слушались. Тело будто налилось свинцом. А шепот становился громче, проникал под кожу, резонировал где-то в груди.

А потом Игнат резко обернулся.

Глаза старика были закатаны. Вместо зрачков — белесые белки, подернутые сеткой красных прожилок. Он смотрел сквозь Артёма, и одновременно — прямо в него.

— Уходи, — произнес Игнат. Голос был чужой, многоголосый, будто в груди старика говорили несколько человек одновременно. — Оно уже знает. Оно уже видит. Беги.

Артём рванулся назад.

Он слетел по лестнице, врезался плечом в косяк, вывалился на крыльцо. Морозный воздух обжег легкие. Он бежал к машине, не помня, как заводил мотор, как газовал по снежной колее.

Остановился только у фельдшерского пункта.

Это было маленькое кирпичное здание с выцветшей табличкой «Глуховский ФАП». Над входом тускло горел фонарь — единственный работающий фонарь во всем поселке. На двери — белый крест, намалеванный поверх облупившейся краски.

Артём ввалился внутрь.

В нос ударил запах спирта, старых бинтов и чего-то сладковатого, неуместного. В коридоре было пусто. На стуле у окна сидела молодая женщина в белом халате, накинутом поверх свитера. Она пила чай из алюминиевой кружки и смотрела в окно.

— Вы? — она обернулась на звук шагов. — Вы кто?

Артём остановился, переводя дыхание. Сердце бухало где-то у горла.

— Артём... — выдохнул он. — Савельев. Племянник Вяземского.

Женщина внимательно посмотрела на него. Ей было лет двадцать семь, не больше. Темные волосы собраны в небрежный пучок, под глазами — синяки недосыпа. Но взгляд — ясный, внимательный, с той профессиональной цепкостью, которая бывает у врачей и следователей.

— Лена, — представилась она. — Фельдшер. Выглядите так, будто за вами черти гнались.

— Черти, — Артём невесело усмехнулся. — Почти.

Он сел на стул, не спросив разрешения. Ноги дрожали.

— Вы были у Игната? — спросила Лена, прищурившись.

— Откуда вы знаете?

— От вас пахнет воском и полынью, — она пожала плечами. — Игнат всех этим окуривает. Говорит, от дурного глаза.

Артём посмотрел на свои руки. Пальцы подрагивали. Он сжал их в кулаки.

— Вы не поверите, если я скажу, что видел, — произнес он.

Лена усмехнулась, но как-то устало, без веселья.

— В этом поселке уже ничему не удивляются, — сказала она. — Пациент на прошлой неделе нарисовал на стене палаты дерево. Красивое, ветвистое. Только из ствола у него росли не листья, а человеческие пальцы. И на каждом — чей-то глаз. Сказал, что так выглядит озеро.

Она замолчала, глядя в свою кружку.

— Я приехала сюда по программе «Земский фельдшер», — продолжила она тише. — Думала, три года отработки — ерунда. Пересижу, денег заработаю, уеду в город. Но это место... оно не отпускает.

— Что вы имеете в виду?

Лена подняла глаза.

— Я трижды пробовала уехать. Первый раз — заглох мотор на выезде. Второй — началась метель, хотя прогноз был ясный. Третий... — она запнулась. — На дороге стоял человек. Просто стоял в сугробе, по колено. Очень высокий. И когда я посигналила, он повернул голову. У него не было лица. Только гладкая кожа, как у куклы.

В комнате повисла тишина. Артём смотрел на нее и понимал: она не сумасшедшая. Она просто сломлена. Как и все здесь.

— Я видел то же самое, — сказал он. — На обочине. По дороге сюда.

Лена медленно кивнула:

— Тогда вы понимаете.

— Что это такое?

— Не знаю, — честно ответила она. — Игнат говорит, это «сторожа». Они ходят вдоль границы и не пускают чужих. Но иногда они приходят и к своим. Тогда люди начинают болеть.

— Чем?

— Я не знаю, как это назвать, — Лена встала, подошла к столу с бумагами, вытащила тонкую папку. — Посмотрите сами.

Она протянула Артёму лист. Это была медицинская карта. На фотографии — мужчина лет пятидесяти, лицо бледное, пустое. Ниже — диагнозы, рекомендации, и на последнем листе — снимок. Любительский, сделанный на полароид.

Мужчина лежал на кровати. Глаза закрыты. Но рот — растянут в жуткой, нечеловеческой улыбке. Так улыбаются мертвые, когда лицевые мышцы сводит трупное окоченение. Только мужчина на снимке был жив. Подпись: «С. П. Морозов, поступил с жалобами на бессонницу. Найден в таком со-

стоянии через 6 часов после госпитализации. Не просыпался. Улыбка не сходила. Скончался на третьи сутки. Причина смерти не установлена».

Артём отложил лист. Руки снова дрожали.

— Почему вы не уехали? — спросил он.

Лена отвернулась к окну.

— Потому что у меня есть пациенты. Дети. Старики. Если я уйду, они останутся одни.

Она помолчала.

— И еще... — добавила она совсем тихо. — Мне кажется, оно не хочет, чтобы я уезжала.

ВСТАВКА ИЗ ДНЕВНИКА С. К. ВЯЗЕМСКОГО (запись 31)

«Лед на озере никогда не бывает белым. Даже в январе. Он серый, с черными прожилками, будто кто-то вывернул наизнанку мрамор. Я приезжал туда на прошлой неделе, сверлил лунку. Вода из лунки шла черная, густая, как нефть. Я опустил веревку с грузом. Двадцать метров, тридцать, пятьдесят. Дна не достал. Но когда вытащил веревку, на конце ее был ил. Красный, как артериальная кровь. И в этом иле — чешуя. Крупная, с ладонь. Я отнес ее в город, показал знакомому биологу. Он сказал: такой рыбы нет. Нигде. И в геологической службе сказали то же самое: в этом озере глубина не больше пятнадцати метров. А я мерил пятьдесят. Понимаешь? Озеро глубже, чем должно быть. Оно не заканчивается. Оно продолжается куда-то... вниз».

(Запись прерывается. Далее — схема. Кривой рисунок, изображающий озеро в разрезе. Внизу, под озером, — спираль, уходящая в темноту. Рядом подпись: «Там лестница. Я видел ее во сне. Она ведет в город»).

— Мне нужно идти, — сказал Артём.

— Куда?

— На озеро.

Лена резко обернулась.

— Зачем?

— Я видел карту, — сказал он, поднимаясь. — Дядя оставил пометки. Точки на льду. Если понять, что это за точки, может, пойму, что здесь происходит.

— Не ходите туда, — голос Лены стал жестким. — Озеро — самое плохое место в этом поселке. Даже Игнат туда не ходит без молитвы.

— Мне нужно, — Артём направился к двери.

Он уже взялся за ручку, когда Лена догнала его и схватила за рукав.

— Послушайте, — заговорила она быстро, испуганно. — Есть правило. Его все здесь знают, хотя никто не объясняет. Нельзя смотреть в воду дольше, чем на три секунды. Нельзя подходить к льду, если он темный. И ни в коем случае нельзя отвечать, если из-под воды тебя зовут по имени.

Она смотрела на него с отчаянием.

— Если пойдете — наденьте что-нибудь железное. Кольцо, цепочку. Говорят, оно боится железа. И не снимайте, по-

ка не вернетесь.

Артём посмотрел на свою руку. Кольца у него не было. В кармане — только перочинный нож.

— Спасибо, — сказал он и вышел в морозную белизну.

ГЛАВА 5. ТО, ЧТО ПОДО ЛЬДОМ

Есть вещи, которые лучше не знать. Но человек так устроен: он всегда идет к краю, чтобы заглянуть вниз. Даже если знает, что внизу — его собственное отражение с чужой улыбкой.

Дорога к озеру шла через лес.

Узкая тропа, припорошенная снегом, петляла между черными стволами, то поднимаясь на невысокие увалы, то ныряя в низины, где снег лежал особенно глубоко. Артём шел быстро, почти бежал, хотя каждый шаг давался с трудом — сугробы были рыхлыми, коварными, они проваливались под ногами, будто земля не хотела его отпускать.

Лес молчал.

Это было самое страшное. Не шорох ветра, не скрип деревьев, не крик птицы. Ничего. Абсолютная, глубокая тишина, в которой слышно было только собственное дыхание и хруст снега. Казалось, сам лес прислушивается к нему, затаившись.

Артём не оборачивался. Он боялся увидеть между стволами знакомый высокий силуэт. Или хуже — детские следы, которые идут рядом с его собственными.

Тропа вывела его к берегу.

Озеро открылось внезапно — белая чаша, огромная, уходящая к горизонту, где снежное поле сливалось с серым небом. Противоположный берег терялся в дымке. Все пространство перед Артёмом было затянуто снегом, но он сразу понял: под этим снегом — лед. Потому что в некоторых местах снежный покров был тоньше, и сквозь него проступала поверхность. Темная. Серая. С черными прожилками, как на мраморе.

Точно как писал дядя.

Артём остановился у кромки. Сердце колотилось где-то в горле. Страх был почти осязаемым — липким, холодным, он поднимался от земли, проникал сквозь подошвы ботинок, растекался по телу.

Но любопытство было сильнее.

Он достал из кармана нож, сжал его в кулаке. Железо. Лена сказала — оно боится железа. Что «оно»? Артём не знал. Но нож в руке давал иллюзию контроля.

Он шагнул на лед.

Снег под ногами закрипел. Звук был резкий, неуместный в этой тишине. Артём сделал еще шаг. Еще. Он шел медленно, вглядываясь в поверхность льда под снегом. Ничего. Просто лед. Темный, странный, но лед.

Карта была у него в голове. Пять точек по кругу. Шестая — в центре. Если масштаб верен, первая точка должна быть метрах в пятидесяти от берега, чуть левее.

Он двинулся туда.

Через несколько минут он нашел то, что искал.

Во льду была трещина. Не естественная — слишком ровная, будто кто-то выпилил круг идеальной формы. Диаметр около метра. Сверху трещину припорошило снегом, но контур читался четко. Артём присел на корточки, смахнул снег.

Лед внутри круга был другим. Темнее, почти черным. И в нем — замороженные предметы.

Артём пригляделся.

Это были цветы. Сухие стебли, перевязанные черной нитью. Они были заморожены не снаружи, а внутри ледяной толщи, будто кто-то положил их на воду, а лед вырос сверху. Или... будто их подняли из глубины, и они застыли по дороге наверх.

Артём отпрянул. Нож выскользнул из вспотевшей ладони, звякнул об лед.

Он сделал шаг назад, затем еще. И только тогда заметил, что стоит не один.

На льду, вокруг него, на расстоянии десяти-пятнадцати метров, застыли фигуры.

Их было пять.

Высокие, темные, с непропорционально длинными конечностями. Они стояли неподвижно, будто выросли из льда. У них не было лиц — только гладкая кожа, натянутая на череп, как у куклы. И все они смотрели на Артёма. Хотя как можно смотреть без глаз?

Он не помнил, как побежал.

Сознание отключилось, оставив только инстинкт: бежать, бежать, бежать. Лед скользил под ногами, снег летел в лицо. Он бежал к берегу, не разбирая дороги, чувствуя за спиной их взгляды. Они не двигались. Они просто стояли и смотрели, как он уходит.

И это было хуже всего.

Артём вылетел на берег, ввалился в лес, споткнулся о корень, упал лицом в снег. Поднялся. Побежал снова. Ветки хлестали по лицу, сугробы проваливались под ногами. Он бежал, пока легкие не начали гореть огнем, пока перед глазами не поплыли красные круги.

Остановился только у поселка.

Упал на колени прямо в сугроб, уперся руками в снег и закашлялся, выплевывая морозный воздух. Тело тряслось. Пот заливал глаза, замерзал на бровях.

Пять фигур. Пять точек на карте. Пять стражей.

А в центре — то, что они охраняют.

Он вернулся в машину. Завел двигатель, включил печку на максимум. Тепло постепенно растекалось по салону, но Артёма все равно бил озноб. Он сидел, сжимая руль, и смотрел на дорогу перед собой. Стекла запотевали. Снаружи сгущались сумерки.

Нужно было решать.

Он не мог уехать — дорога исчезла. Он не мог остаться — дом, старик, озеро... все это сводило с ума. Он был в ловуш-

ке, и единственный выход — разобраться, что здесь происходит. Понять правила игры.

Артём заглушил двигатель и откинулся на сиденье. Закрыл глаза. Сон навалился мгновенно, как черная вода.

Ему снилось озеро.

Он стоял в центре льда, на той самой точке, где не был. Под ногами — черная вода, не замерзшая, живая. Она текла подо льдом, как кровь в венах. И из этой воды на него смотрели лица.

Сотни лиц.

Мужчины, женщины, дети. Они всплывали из глубины, прижимались ко льду изнутри и улыбались. Их улыбки были одинаковыми — широкими, застывшими, нечеловеческими. А потом лед под Артёмом треснул.

И чья-то рука — длинная, бледная, с перепонками между пальцев — пробила лед и схватила его за щиколотку.

Артём проснулся от собственного крика.

В машине было темно. Стекла запотели изнутри, снаружи стояла черная ночь. Он сидел на водительском сиденье, весь мокрый от пота. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди.

И тут он заметил.

На соседнем пассажирском сиденье что-то лежало.

Артём не помнил, чтобы клал туда что-то. Он вообще не открывал пассажирскую дверь с момента приезда.

Он медленно потянулся к телефону, включил фонарик.

На сиденье лежала книга.

Старая, в потрескавшемся кожаном переплете, с замком. Таким же, как на книгах в доме дяди. Замок был открыт, и страницы слегка разошлись, будто книгу читали совсем недавно.

Артём не мог отвести взгляд. Страх и любопытство сплелись в один тугой узел. Он осторожно взял книгу. Она была ледяной. Пальцы обожгло холодом, но Артём не выпустил.

Открыл первую страницу.

Текст был рукописным, на русском, но почерк — старый, витиеватый, с завитушками. Похоже, писали в девятнадцатом веке.

«Слово о Глубине и о тех, кто в ней обитает. Записано со слов выжившего».

Артём перевернул страницу.

«В год 1831-й от Рождества Христова крестьяне деревни Глухово нашли на берегу озера человека. Был он наг, и кожа его была бела, как снег. Глаза его были зашиты. Рот его был зашит. Но дышал он спокойно, и грудь его поднималась ровно. Когда же открыли ему рот, он заговорил. И сказал так: "Не будите то, что спит под водой. Ибо оно уже проснулось. И оно голодно"».

Артём хотел закрыть книгу. Правда, хотел. Но пальцы сами перелистывали страницы. Он не контролировал свои руки. Будто что-то внутри него требовало читать дальше.

«И спросили его крестьяне: "Что же там, под водой?" И

ответил он: "Город. Белый город с высокими башнями. И в том городе живут те, кто был до нас. Они не умерли. Они ждут. И вода для них — как воздух для нас. А когда придет время, они поднимутся. И будут ходить среди нас. И мы не отличим их от своих"».

«И тогда крестьяне убили его. Потому что боялись. И тело его бросили в озеро. И пошли дожди. И озеро вышло из берегов. И вода в колодцах стала горькой. И дети начали умирать. И поняли крестьяне: он был не пророк. Он был дверь. И они открыли ее»».

Артём читал, пока не заметил, что страницы книги стали мокрыми.

Он плакал.

Слезы текли по щекам, капали на старую бумагу. Он не понимал, почему плачет. Тело будто не принадлежало ему. Страх, отчаяние, тоска — все смешалось в один океан, и этот океан выходил через глаза.

Книга жгла руки холодом. Или это был не холод? Может, это был огонь, который обжигал не кожу, а что-то глубже? Что-то, что не заживет никогда.

Он отшвырнул книгу. Она упала на пол.

И тогда из темноты салона раздался голос.

Тихий, спокойный, почти ласковый:

— Ты правильно сделал, что прочитал.

Артём замер.

Голос шел с заднего сиденья.

— Теперь мы можем поговорить.

Он не хотел оборачиваться. Он знал, что там. Или не знал. Но чувствовал: если обернется — уже не будет прежним.

Зеркало заднего вида. Оно было темным, но Артём различал в нем смутный силуэт. Кто-то сидел сзади, очень близко. Он чувствовал его дыхание на своей шее.

— Тебя зовут Артём, — произнес голос. — Красивое имя. Означает «невредимый». Но здесь никто не остается невредимым, Артём.

— Кто ты? — хрипло спросил он.

— Я — то, что ждет, — ответил голос. — Я был здесь задолго до того, как люди научились добывать огонь. Я спал. Я видел сны. А теперь я хочу проснуться. И ты мне поможешь.

— Нет, — сказал Артём.

Голос усмехнулся. Если бы улыбку можно было услышать, она звучала бы именно так.

— У тебя нет выбора, — произнес он. — Ты уже читал. А кто читает — тот уже мой. Это правило. Одно из многих.

Рука — длинная, бледная, с перепонками между пальцев — легла на плечо Артёма.

Он закричал.

ВСТАВКА ИЗ ДНЕВНИКА С. К. ВЯЗЕМСКОГО
(запись 44, последняя)

«Оно говорило со мной сегодня. Не во сне. Наяву. Сидело на краю кровати и улыбалось. У него лицо моей матери. Но я знаю — это не она. Это оно. Оно научилось. Оно носит

лица, как мы носим одежду. Я спросил, чего оно хочет. Оно ответило: "Рождения". Я спросил, что мне делать. Оно ответило: "Читать". И я читал. Я читал всю ночь. Я не мог остановиться. Слова входили в меня, как вода входит в тонущего. А утром я понял: я стал дверью. И дверь эта открыта. И закрыть ее уже нельзя. Можно только передать. Кому-то. И я знаю, кому. Моя кровь. Моя семья. Тот, кто придет после. Прости меня, Артём. Прости».

Когда Артём очнулся, наступило утро.

Серый свет просачивался сквозь запотевшие стекла. Он лежал на водительском сиденье, скрючившись, как ребенок. Книга исчезла. Заднее сиденье было пусто.

Но на стекле, изнутри, кто-то пальцем написал:

«ТЫ ОТКРЫЛ ПЕРВУЮ ДВЕРЬ»

Артём смотрел на эту надпись долго. Потом вышел из машины.

Снег вокруг был утоптан десятками босых детских следов. И все они вели в сторону озера.

ГЛАВА 6. КРОВЬ ВЯЗЕМСКИХ

Прошлое — это не то, что было. Это то, что продолжает жить внутри нас, даже когда мы не помним.

Поселок утром выглядел почти мирно.

Снег, выпавший ночью, прикрыл черные проплешины на дороге, засыпал уродливые следы, смягчил острые углы покосившихся заборов. На несколько минут, пока солнце — бледное, зимнее, неживое — висело над лесом, Глухово мог-

ло показаться обычной северной деревней. Тихой, сонной, затерянной в снегах.

Но Артём уже знал: это иллюзия. Одна из многих, которые создавало это место, чтобы усыпить бдительность жертвы.

Он шел к дому Игната, сжимая в кармане перочинный нож. Пальцы касались холодного металла, и это прикосновение было единственным, что удерживало его на грани. Той грани, за которой начинается безумие.

Дверь старика была открыта.

Артём вошел. В кухне пахло полынью и воском — как вчера. Игнат сидел за столом, опустив голову. Перед ним стояла чашка с остывшим чаем. Старик не спал, но и не бодрствовал. Он находился в том странном состоянии, когда тело здесь, а разум блуждает где-то далеко.

— Я читал, — сказал Артём с порога.

Игнат не шелохнулся.

— Книга, — продолжил Артём. — Она была в машине. Я не знаю, как она туда попала. Я открыл. И оно говорило со мной.

Старик медленно поднял голову. Глаза его были красными, воспаленными. В них стояла та особая усталость, которая приходит после долгих бессонных ночей.

— Значит, началось, — произнес он глухо. — Я надеялся, что ошибаюсь. Надеялся, что ты не тот.

— Что значит «не тот»?

Игнат взял чашку, сделал глоток. Рука его дрожала.

— Садись, — сказал он. — Настало время, когда ты должен узнать правду. Всю. Даже ту, которая тебе не понравится.

Артём сел. Нож в кармане стал влажным от пота. В доме было тепло, но его знобило.

— Вяземские, — начал Игнат, глядя в стол, — это не просто семья. Это род. Древний. Очень древний. Ваши корни уходят в те времена, когда здесь не было ни поселка, ни дорог, ни церквей. Только лес. И озеро.

Он поднял глаза.

— Твой дядя, Семён, был не первым, кто сидел в этом доме. И не первым, кто слышал голос. Вяземские всегда были... привратниками.

— Привратниками чего?

— Двери, — Игнат усмехнулся. — Той самой, что под озером. Ваш род дал клятву. Давно, очень давно. Когда сюда пришли первые поселенцы, они нашли в лесу нечто. Старое. Спящее. И один из них — твой предок — заключил с этим нечто договор. Он обещал, что его потомки будут охранять то место, где спит оно. Не давать людям тревожить его. Не давать двери открыться.

— А взамен?

— А взамен — жизнь, — старик пожал плечами. — Богатство. Сила. Вяземские никогда не бедствовали. Они всегда были уважаемыми людьми. Но за это платили. Всегда платили.

Артём молчал. Мысли путались. Договор? Предки? Какая-то мистическая чушь. Но после того, что он видел на озере, после книги и надписи на стекле, слово «чушь» больше не произносилось так легко.

— Почему я об этом ничего не знал? — спросил он.

— Потому что твой отец разорвал цепь, — ответил Игнат. — Он уехал в Москву, сменил фамилию на материнскую. Думал, что если отречется от рода, то и долг исчезнет. Но долг не исчезает. Он просто ждет. И когда все мужчины в роду умирают, кроме одного, — этот один становится наследником. Хочет он того или нет.

— Мой отец умер семь лет назад, — сказал Артём. — Сердце.

— А дядя Семён сошел с ума, — добавил Игнат. — И ты — последний. Ты понимаешь, что это значит?

Понимал. Ему вдруг стало очень холодно.

— Я должен занять его место? — спросил он.

Старик покачал головой:

— Нет. Место Семёна уже занято. Им самим. Он сидит в психушке, но связь не разорвана. Дом его держит. Нет, тебе уготована другая роль.

Он помолчал.

— Ты — не сторож, Артём. Ты — дверь.

В комнате повисла тишина. Артём слышал только стук собственного сердца. Оно билось где-то в ушах, в висках, в кончиках пальцев.

— Дверь? — переспросил он.

— Именно. Оно не может выйти само. Ему нужно тело. Сосуд. И этот сосуд должен быть из крови Вяземских. Потому что именно Вяземские давали клятву. Именно их кровь открывает замок.

Игнат поднялся, подошел к окну.

— Ты приехал сюда не потому, что получил наследство. Ты приехал, потому что тебя позвали. Оно звало тебя всю жизнь. Просто ты не слышал. А теперь услышал. И с каждым днем, с каждой ночью оно будет звать сильнее. Пока ты не придешь сам. Добровольно.

— А если я не приду?

Старик обернулся. В его взгляде было что-то похожее на жалость.

— Тогда оно заберет тебя силой. Оно уже начало. Твои сны. Твои видения. Книга, которую ты читал, хотя не хотел. Все это — его работа. Оно ломает тебя медленно. Как ломают ветку, чтобы она не пружинила.

Артём встал. Ноги были ватными.

— И что же делать? — спросил он. — Как остановить это?

Игнат покачал головой:

— Есть только один способ. Закрыть дверь навсегда. Но для этого нужно...

Он не договорил.

В дверь постучали.

Оба вздрогнули. Игнат нахмурился, пошел в сени. Артём

слышал, как открылась дверь, как зазвучал женский голос — взволнованный, быстрый.

В кухню вошла Лена. Она была бледна, дыхание сбивалось. В руках — какая-то папка.

— Ефимыч, — выдохнула она, — надо поговорить. Это важно.

— Что случилось? — спросил Игнат.

— Я перебирала старые документы. В архиве ФАПа. Там, куда мы никогда не заглядываем. — Она положила папку на стол. — И нашла это.

Артём подошел ближе. Лена раскрыла папку. Внутри — пожелтевшие бумаги, старые медицинские карты с царскими орлами на обложках. И среди них — фотография.

Очень старая. Дагерротип. На ней был изображен мужчина. Лет тридцати — тридцати пяти. Темные волосы, резкие черты лица, усталые глаза. Он сидел на стуле, сложив руки на коленях, и смотрел прямо в объектив.

Артём узнал его.

Это был он сам.

Та же форма носа. Тот же разрез глаз. Та же родинка на правой щеке, которую он ненавидел с детства.

Под фотографией — подпись чернилами:

«Вяземский П. А. Освидетельствование после третьего случая. 1931 г. Состояние прежнее. Ночные кошмары. Утверждает, что слышит зов из воды. Направлен в губернскую лечебницу для душевнобольных».

Артём почувствовал, как пол уходит из-под ног.

— Это же вы? — прошептала Лена, глядя на него. — Это ваше лицо.

— Это не я, — ответил он. — Это мой... предок?

— Не просто предок, — тихо сказал Игнат. — Это — предыдущий сосуд. До Семёна. Его звали Пётр. Он тоже слышал зов. И он тоже сопротивлялся. До поры.

Старик посмотрел на Артёма.

— Вот видишь, — произнес он. — Оно возвращается к вам каждые два-три поколения. Одного забирает, другому дает передышку. И когда оно приходит, оно всегда выбирает тех, в ком кровь сильнее всего. Тех, кто внешне похож на первого Вяземского — того, что заключил договор.

Артём смотрел на фотографию. Руки дрожали.

— Это значит, — начал он медленно, — что я...

— Что ты — копия, — закончил Игнат. — Не в смысле души, но в смысле тела. Сосуд, созданный под него. Ты и внешне похож, и внутренне, видимо,ходишь. Поэтому оно тебя так жаждет.

Лена молчала. Она смотрела то на фотографию, то на Артёма, и в глазах ее был ужас пополам с сочувствием.

— Что нам делать? — спросила она наконец.

— Нам? — усмехнулся Игнат. — Тебе — ничего. Ты вообще не должна была здесь оказаться. Уезжай, пока можешь. А ему... — он кивнул на Артёма, — ему нужно выбирать.

— Выбирать что?

— Как умереть, — просто ответил старик.

Тишина, повисшая в кухне, была густой, как кисель. Артём слышал, как за окном начинает шуметь ветер. Слышал, как поскрипывают старые бревна. Слышал, как где-то далеко, под землей, что-то вздыхает.

— Если я убью себя, — произнес он, — оно оставит остальных в покое?

Игнат покачал головой:

— Нет. Оно найдет другого. Может, не сразу. Но найдет. Вяземских мало, но род не прерван. Есть дальние ветви. Дети, о которых ты не знаешь.

— Тогда какой смысл?

— Смысл в том, чтобы не дать ему войти в тебя, — сказал старик. — Потому что если оно войдет — то уже не остановится. Оно получит тело и силу, и тогда Глухово станет его первым городом. А потом — дальше. Оно будет распространяться, как зараза. Как чума.

Лена подошла к окну. Она смотрела на заснеженную улицу.

— Есть ещё вариант, — сказала она тихо, не оборачиваясь. — Уничтожить источник.

Игнат резко вскинул голову.

— Что?

— Источник, — повторила она. — Оно связано с озером. Если уничтожить то, что под водой, — дверь закроется.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — отрезал старик. —

Туда нельзя попасть. Это не вода. Это... другое.

— Я знаю, что вы скажете, — Лена обернулась. — Но я видела записи. Я читала документы. В 1908 году сюда приезжала экспедиция. Геологи, инженеры. Они пытались осушить озеро. Взрывали. Бурили. И все погибли. Но один выжил. И он оставил записку.

Она вытащила из папки сложенный лист бумаги.

— Вот. Читайте.

Игнат взял лист. Артём подошел ближе.

«Мы пробурили лед и опустили зонд. Под двадцатью метрами воды зонд уперся в... стену. Ровную, гладкую. Она была теплой. И она пульсировала. Мы поняли: озеро — не озеро. Это колодец. И в нем что-то живет. Оно не в воде. Оно и есть вода. Господи, прости нас. Мы разбудили его. Мы все умрем. Не спускайтесь туда. Никогда не спускайтесь туда»».

— Это безумие, — прошептал Игнат. — Ты предлагаешь лезть в этот ад?

— Я предлагаю попробовать, — сказала Лена. — Потому что если мы ничего не сделаем, он, — она кивнула на Артёма, — станет следующим. А потом — все мы.

Артём слушал их, но мысли его были далеко.

Он смотрел на фотографию 1931 года. На свое собственное лицо, снятое за шестьдесят лет до его рождения. И понимал: выбора нет. Он был предопределен. Каждая клетка его тела была создана для этого.

Он поднял голову.

— Что нужно делать? — спросил он.

ГЛАВА 7. НОЧЬ, КОГДА ОНИ ВЫШЛИ

Толпа страшна не количеством. Толпа страшна тем, что в ней исчезает человек. Остается только лицо, обращенное к пустоте.

Они решили действовать ночью.

Не потому, что ночь давала преимущество. А потому, что у них не было времени ждать. С каждым часом Артём чувствовал, как давление усиливается: голос в голове становился настойчивее, сны — реальнее, а граница между явью и кошмаром истончалась, как весенний лед.

Игнат сопротивлялся до последнего. Он ходил по кухне, скрипел половицами, бормотал молитвы и проклятия впере­мешку. Но когда Лена показала ему еще один документ из архива — карту с отмеченным подземным ходом, ведущим от старой церкви к озеру, — старик сдался.

— Это самоубийство, — сказал он. — Но, видимо, другого пути нет.

Они собрались в доме Игната. На столе горела керосиновая лампа, бросая дрожащие тени на стены. За окном сгу­щалась тьма — густая, вязкая, она наваливалась на поселок, как тяжелое одеяло.

— Слушай внимательно, — говорил Игнат, разворачивая старую карту. — Озеро — не просто водоем. Оно — вход. Но вход не всегда открыт. Оно открывается только в опре-

деленные ночи. В полнолуние. Или когда луна мертва. Или когда вода поднимается без дождей.

— Какая связь с луной? — спросила Лена.

— Не знаю. Древние знали. А мы — только обрывки. — Игнат ткнул пальцем в карту. — Вот здесь, на северном берегу, была церковь. Давно, еще до революции. Ее сожгли в тридцатых. Но подвал остался. И оттуда шел ход. К озеру. Старики говорили, что по этому ходу можно пройти к самому сердцу.

— Вы уверены, что ход еще существует? — спросил Артём.

— Нет. Но если он сохранился, это единственный способ попасть туда, не выходя на лед. Потому что на льду вас сразу заметят. Они.

— Они? — Лена вздрогнула.

— Стражи. Те, что стоят вокруг. Вы уже видели их. Они не пропустят. А под землей, возможно, их нет.

— Возможно, — повторил Артём. — Хорошее слово.

Игнат посмотрел на него тяжелым взглядом.

— Ты хотел правду? Вот тебе правда: у нас нет никаких гарантий. Ни одной. Мы идем вслепую. И, скорее всего, не вернемся.

Тишина. Где-то за стеной скрипнуло. Артём вздрогнул.

— Может, стоит дожждаться утра? — предложила Лена. — Ночью там наверняка опаснее.

— Днем — тоже опасно, — отрезал Игнат. — А ночью хо-

тя бы видно, если кто-то выходит на улицу. Сейчас в поселке творится неладное. Люди перестали спать. Я слышал, как они ходят по домам. Разговаривают сами с собой. Смеются.

— Смеются? — переспросил Артём.

— Страшно так. Как дети. А потом замолкают и стоят, уставившись в окно.

Лена поежилась.

— Я хотела обойти пациентов днем, — сказала она. — Но никто не открыл двери. Даже баба Ньюра, которая всегда звала меня на чай.

— Они чувствуют, — произнес Игнат. — Что-то приближается. И прячутся. Или наоборот — ждут.

Он поднялся, подошел к печи, вытащил из-за нее старый холщовый мешок.

— Вот, — он высыпал на стол предметы. — Свечи. Соль. Железо. И вот это.

Он поднял маленький пузырек из темного стекла.

— Святая вода. Из того, что осталось. Я берег на крайний случай.

— Вы верите, что это поможет? — спросил Артём.

— Верю, — Игнат посмотрел ему в глаза. — Вера — единственное, что у нас есть. Ты сомневаешься — оно это чувствует. Оно питается сомнением. Оно растет, когда ты боишься.

— Тогда я, наверное, для него праздничный ужин, — мрачно усмехнулся Артём.

Старик не ответил.

Они вышли в полночь.

Небо было черным, без единой звезды. Луна скрылась за плотным слоем облаков, и поселок тонул в непроглядной тьме. Фонарь над ФАПом не горел — впервые за все время. Это плохой знак. Очень плохой.

Игнат шел первым, держа в руке керосиновую лампу. Свет ее выхватывал из мрака узкий круг: утоптаный снег, покосившийся забор, черные окна домов.

Лена шла следом, прижимая к груди сумку с медикаментами и святой водой. Артём замыкал колонну. В правой руке — перочинный нож. В левой — соль в тряпичном узелке.

Они не разговаривали. Звук шагов по снегу казался оглушительным. Вокруг стояла та самая ватная тишина, от которой закладывало уши.

Первым это заметил Артём.

Он остановился.

Впереди, у дома Мироновых, что-то было. Какая-то фигура. Она стояла неподвижно у калитки, будто ждала. Лампа Игната не доставала до нее — только силуэт, темный на фоне темноты.

— Игнат... — шепнул Артём.

Старик уже остановился. Он поднял лампу выше.

Фигура не двигалась.

— Кто это? — спросила Лена.

— Не знаю, — ответил Игнат. — Но это не к добру.

Он сделал шаг вперед. Еще один. Лампа качнулась, и свет наконец дотянулся до фигуры.

Это была женщина. Старая, седая, в одной ночной рубаше и босиком. Она стояла на снегу, опустив руки вдоль тела, и смотрела перед собой. Глаза ее были открыты, но пусты. Она не реагировала ни на свет, ни на людей.

— Баба Нюра, — выдохнула Лена. — Это же баба Нюра! Она хотела броситься к ней, но Игнат схватил ее за руку.

— Не подходи.

— Но она босая! На морозе! Она замерзнет!

— Смотри, — Игнат кивнул.

И тогда Артём увидел.

Вокруг бабы Нюры, на снегу, были следы. Множество следов. И не только босых детских. Были и взрослые, в валенках, в сапогах. Они выходили из калиток, пересекали улицу, сходились в одном месте. И все они вели к озеру.

— Она не одна, — тихо сказал Игнат. — Они все уже ушли.

— Куда? — спросил Артём.

— Туда же, куда и мы. К воде.

Они пошли быстрее.

Поселок вокруг менялся. Артём не сразу понял, что именно не так. А когда понял — похолодел.

Двери домов были открыты.

Все до одной. Распахнуты настежь, будто жители уходили в спешке. Из темных проемов тянуло холодом и той самой

сладковатой гнилью, которую он чувствовал в доме дяди.

И внутри — тишина. Ни голосов, ни шагов, ни скрипа половиц. Пустота.

— Они ушли, — повторил Игнат. — Все до единого. Даже те, кто не хотел.

— Как можно заставить человека выйти из дома ночью босиком? — спросила Лена.

— Оно не заставляет, — ответил старик. — Оно зовет. И если зов достаточно сильный, человек сам встает и идет. Как во сне. Он не просыпается, но ноги несут его к воде.

Артём вспомнил свои сны. Озеро. Черная вода. Лица подо льдом. И рука, которая хватает за ногу.

— Они все там, — произнес он. — На льду.

— Да, — сказал Игнат. — И если мы не поторопимся, они все уйдут под воду.

Они почти бежали.

Тропа к озеру была истоптана. Снег превратился в месиво, по которому скользили ноги. Игнат кряхтел, но не сбавлял темпа. Лена дышала тяжело, но шла. Артём чувствовал, как сердце колотится где-то в висках.

И вдруг они вышли на берег.

Артём замер.

Озеро было перед ними. Огромное, черное, оно лежало в темноте, как разверстая пасть. Но не это заставило его остановиться.

На льду стояли люди.

Десятки людей. Все жители Глухова. Мужчины, женщины, старики, дети. Они стояли ровными рядами, лицом к центру озера. Никто не двигался. Никто не говорил. Они просто стояли и смотрели в одну точку.

А в центре озера, там, где по карте была шестая отметка, лед светился.

Тусклым, зеленоватым светом, будто под ним горел подводный фонарь. Свет пульсировал — медленно, ритмично, в такт ударам сердца.

— Господи... — прошептала Лена.

Игнат перекрестился.

— Вот оно, — сказал он. — Дверь открывается.

Артём смотрел на толпу. На их лица, обращенные к свету. Они были спокойны. Даже умиротворены. Будто видели не ужас, а что-то прекрасное. Что-то, чего он не видел.

А потом он услышал голос.

Не из головы — снаружи. Он шел из-под льда, глубокий, раскатистый, как гул подземной реки:

«ПРИДИ. ВРЕМЯ ПРИШЛО».

И толпа сделала шаг вперед.

Одновременно. Все разом. Будто один организм.

Артём почувствовал, как его собственные ноги дернулись. Будто кто-то потянул за невидимые нити.

— Не смотрите на свет! — закричал Игнат. — Отвернитесь!

Лена схватила Артёма за руку. Прикосновение было горя-

чим, живым. Оно вырвало его из оцепенения.

— Бежим! — крикнула она. — К ходу! Скорее!

Они рванулись вдоль берега, прочь от толпы. Сзади слышался звук — глухой, ритмичный. Десятки ног, одновременно ударяющих о лед. Толпа шла. Шла к центру.

И лед под ней трещал.

ВСТАВКА ИЗ ДНЕВНИКА С. К. ВЯЗЕМСКОГО (без номера, вложена отдельным листом)

«Я видел, как они уходят. Сначала один. Потом другой. Потом все. Они выходят из домов, как будто их позвали на праздник. Дети не плачут. Собаки не лают. Только шаги. Сотни шагов по снегу. И все идут к воде. Они не вернутся. Я знаю. Но я ничего не могу сделать. Я слаб. Я — дверь, которая не должна была открыться. Но она открылась. И теперь она зовет. Имя, которое нельзя произносить. Имя, которое есть в каждом из нас. Не записывай его. Не читай. Не думай. Потому что если подумаешь — оно услышит. А если услышит — придет. А если придет — будет поздно. Всегда поздно. Всегда...»

(Текст обрывается. Далее — рисунок. Человеческая фигура с черным провалом вместо лица, стоящая на льду. Вокруг — спираль. Или воронка. Или дверь. Все зависит от того, как посмотреть)

Они нашли ход.

Это была полуразрушенная кирпичная кладка, едва выступавшая из-под снега. Старый подвал церкви, о которой

говорил Игнат. Вход завалило, но старик, орудуя лопатой, которую нес с собой, расчистил узкий лаз.

— Полежайте, — сказал он, тяжело дыша. — Быстро.

Внутри было темно и пахло сырой землей. Артём спустился первым, помог Лене. Игнат полез следом, затаскивая лампу.

— Дальше — по ходу, — сказал он. — Он должен вести к берегу.

— А если он обрушился? — спросила Лена.

— Тогда мы умрем под землей, — ответил Игнат. — Это не худший вариант.

Они двинулись вперед.

Ход был низким, земляным, местами обшитым прогнившими досками. С потолка сыпалась грязь. Воздух был спертым, холодным, с тем самым сладковатым запахом, который преследовал Артёма с первого дня.

Шли молча. Только дыхание, только шаги, только лампа, качающаяся в руке Игната.

А потом впереди раздался звук.

Капли. Медленные, редкие. Кап... кап... кап...

— Вода, — сказала Лена.

— Мы почти у цели, — отозвался Игнат.

Ход расширился. Они вышли в небольшую пещеру, стены которой блестели от влаги. А в центре пещеры, в каменном углублении, стояла черная вода. Она не была замерзшей. Она не была спокойной. Она дышала.

Поднималась и опускалась, как грудь спящего существа.
— Это оно, — прошептал Игнат. — Сердце.

Артём подошел ближе. Вода манила. В ней отражался свет лампы, но отражение было неправильным. Вместо лампы — какой-то другой источник. Вместо пещеры — белые башни. Город.

И в том городе кто-то стоял. Смотрел на него. Ждал.

— Артём! — голос Лены пробился сквозь пелену. — Не смотри туда!

Он отвел взгляд. Голова кружилась.

— Что нам делать? — спросил он.

Игнат достал из мешка свечи. Расставил их по краям углубления. Зажег. Пламя дрожало, но не гасло.

— Слушайте, — сказал старик. — Есть один способ. Старый. О нем писал еще прадед. Нужно окропить воду святой. И произнести слова. Но слова эти — не молитва. Это... не знаю, что это. Звучит как заклинание.

— Говорите, — сказала Лена.

Игнат открыл рот.

И в этот момент вода в чаше вздрогнула.

Из глубины поднялся пузырь. Большой, черный. Он лопнул на поверхности, и по пещере разнесся звук — глубокий, утробный, похожий на стон.

А затем из воды показалась рука.

Длинная. Бледная. С перепонками между пальцев.

— Началось! — закричал Игнат. — Держите круг!

Он выплеснул святую воду в чашу.

Раздался шипящий звук, как раскаленное железо в снегу. Вода закипела, вспенилась. Рука дернулась, но не исчезла. Наоборот — потянулась выше, хватая воздух.

И тогда из темноты хода, позади них, раздались шаги. Медленные. Тяжелые.

— Они идут, — прошептала Лена. — Это они...

Артём обернулся.

В проеме стояли люди. Жители Глухова. Мокрые, бледные, с пустыми глазами. Они загораживали выход.

И они улыбались.

ГЛАВА 8. СЛОВА, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ПРОИЗНОСИТЬ

Есть слова, которые существуют не для того, чтобы их говорили. Они как ножи: их можно хранить, но стоит вытащить из ножен — и кто-то обязательно порежется.

Игнат стоял над черной водой, и губы его шевелились.

Артём не слышал слов. Они были слишком тихими, слишком чужими. Но он чувствовал их — каждой клеткой тела. Слова входили в воздух, как иглы, прошивали пространство, искажали его. Стены пещеры поплыли, теряя четкость. Свет лампы задрожал, стал желтым, как старый пергамент.

А вода в каменной чаше поднялась.

Без всплеска. Без звука. Просто встала вертикальной стеной, будто перестала подчиняться законам физики. Черная, блестящая, она нависла над ними, и в ней, как в зеркале, от-

ражались не их лица, а что-то другое. Что-то, что находилось по ту сторону.

— Не останавливайся! — крикнула Лена, и голос ее сорвался.

Игнат продолжал. Слова становились громче, резче. Он читал заклинание, которое, возможно, не произносилось сотни лет. И с каждым словом ему становилось хуже: из носа потекла тонкая струйка крови, глаза налились краснотой, жилы на шее вздулись, как веревки.

Позади, в проеме хода, стояли жители Глухова.

Они не входили. Просто стояли, заполняя собой все пространство, и смотрели. На их лицах не было ни злобы, ни боли. Только терпение. Бесконечное, нечеловеческое терпение тех, кто уже принял свою участь.

Артём попятился к чаше. Нож в руке стал скользким от пота. Он не знал, что делать. Драться с ними? Бессмысленно. Их десятки. Бежать? Некуда.

— Игнат, быстрее! — крикнул он.

Старик вдруг замолчал.

На секунду в пещере стало абсолютно тихо. Даже вода перестала дышать. Даже капли замерли на стенах. Всё замерло, будто само время остановилось в ожидании.

А потом Игнат произнес последнее слово.

Оно было не из человеческого языка. Даже не из животного. Оно было из тех звуков, которые существовали до появления жизни — глубинное, вибрирующее, оно родилось

где-то в недрах земли. Артём почувствовал его не ушами, а костями. Слово прошло сквозь него, как волна, выворачивая внутренности.

Вода в чаше рухнула.

И начался хаос.

Из углубления хлынул черный поток. Он не был водой — слишком густой, слишком живой. Он растекался по полу, касался ног, обжигал холодом. Лена вскрикнула, отскочила. Игнат упал на колени, хватаясь за грудь.

А из центра чаши поднялось ОНО.

Артём не мог смотреть прямо. Глаза отказывались фокусироваться. Каждый раз, когда он пытался разглядеть существо, мозг подсовывал что-то другое: то гигантского осьминога, то переплетение корней, то лицо отца, то собственную тень. ОНО менялось каждую секунду, потому что не имело формы. Или имело все формы сразу.

Но одно Артём понял ясно: ОНО выходило.

Медленно, мучительно, протискиваясь сквозь отверстие, которое было слишком узким для его истинной сущности. ОНО ревело. Без звука. Ревело так, что вибрировал воздух, трескались камни, и черная слизь на полу пузырилась, как кипящая смола.

— Оно идёт! — закричал Игнат, и голос его был полон ужаса. — Ритуал не сработал! Нужно больше крови! Нужна жертва!

Лена обернулась к Артёму. В ее глазах он прочитал то,

чего боялся больше всего: понимание.

— Твоя кровь, — произнесла она. — Ты — дверь. Ты — ключ.

— Нет! — Игнат с трудом поднялся, качаясь, как пьяный. — Его кровь откроет дверь, а не закроет! Ты не понимаешь! Вяземский не может быть жертвой! Это как бензином тушить пожар!

— Тогда чья?

Игнат не ответил. Он смотрел на существо, которое продолжало подниматься, заполняя пещеру, и лицо его было лицом человека, который наконец понял правду. Страшную правду.

— Моя, — сказал он тихо. — Только моя.

Он вытащил из-за пазухи старый, ржавый нож с деревянной рукоятью. Руки его тряслись.

— Сторож может закрыть дверь. Только сторож. Если он отдаст себя добровольно.

— Игнат, нет! — Лена бросилась к нему, но он выставил руку.

— Слушай меня, девочка. У меня нет наследников. Я последний сторож этого места. Если я уйду — некому будет держать круг. Но если я уйду в воду — вода меня примет. И дверь захлопнется. На время. Может, на годы. Может, на десятилетия. Но вы успеете уйти. И он, — он кивнул на Артёма, — успеет уехать. Далеко. И никогда не возвращаться.

— А вы? — спросил Артём.

Игнат посмотрел на него. И впервые за всё время в его глазах не было ни суровости, ни загадочности. Только усталость. Бесконечная, как озеро.

— А я, — сказал он, — наконец-то выплусь.

Он шагнул к чаше.

Существо замерло. Будто почуяло. Будто поняло. Оно перестало выходить и теперь наблюдало. Тысячей глаз, которые не были глазами. Ждало.

Игнат начал произносить слова. Те же, что и раньше, но теперь — в обратном порядке. Зеркально. И с каждым словом вода в чаше светлела. Черная слизь на полу отступала. Камни перестали трескаться.

— Не смотри на него, — шепнула Лена Артёму, сжимая его руку. — Не смотри.

Но он смотрел.

Игнат подошел к краю. Вода доходила ему до щиколоток. Он не оборачивался. Только плечи его вздрагивали, а голос становился тише, как будто силы уходили с каждым словом.

А потом он шагнул вглубь.

Черная вода сомкнулась над ним без всплеска. Будто проглотила.

И наступила тишина.

Существо исчезло. Чаша опустела. В пещере остался только каменный круг, покрытый черным налетом, и запах — сладковатый, тошнотворный, уходящий в землю.

Лена плакала. Беззвучно, уткнувшись в плечо Артёма. Он

обнимал ее, но сам был пуст. Внутри что-то оборвалось. Что-то важное. Надежда? Вера? Неважно.

— Нужно уходить, — сказал он.

Они двинулись к выходу.

Жители Глухова исчезли. Проход был пуст. Только на земле остались следы — десятки следов, уходящих во тьму. Они выбрались наружу.

Занимался рассвет.

Серый, холодный, безрадостный. Снег был истоптан. На берегу лежали предметы — обувь, шапки, платки. Все, что осталось от тех, кто ушел к озеру.

Само озеро было спокойным. Лед — белым, обычным, зимним. Никаких фигур. Никакого свечения. Никаких следов на льду.

— Они ушли, — прошептала Лена. — Все.

— Да, — сказал Артём.

Они стояли на берегу и смотрели, как восходит солнце. Оно было бледным, как лицо умирающего, но это было солнце. Настоящее. Живое.

— Что теперь? — спросила она.

Артём не ответил. Он не знал. Он смотрел на озеро и думал о том, что Игнат ушел не зря. Что дверь закрылась. Что они выжили.

Но где-то глубоко, в самой дальней части сознания, он всё ещё слышал голос.

Тихий. Ласковый. Терпеливый.

«Ты всё равно придешь. Рано или поздно. Я умею ждать».

Он сжал руку Лены.

— Уезжаем, — сказал он. — Сейчас же. Пока дорога открыта.

Они пошли к поселку.

Снег скрипел под ногами. Ветер шевелил верхушки елей. И где-то далеко, на трассе, ведущей прочь из Глухова, начал расчищать дорогу одинокий трактор.

Спустя три месяца

Лена уехала в город. Устроилась в больницу, сняла квартиру, завела кота. Иногда, очень редко, она вспоминала Глухово. Чаще — по ночам. Ей снился старик, который стоит на берегу озера и машет рукой. Она просыпалась в слезах, но утром забывала.

Артём исчез.

Он не вернулся в Москву. Не продал дом. Не ответил ни на одно сообщение. Его машина была найдена на трассе, в ста километрах от Глухова. Пустая. Двери открыты. На снегу — только его собственные следы, уходящие в лес. Они обрывались через пятьдесят метров.

Рядом с местом обрыва нашли книгу.

Ту самую. В потрескавшемся кожаном переплете. С открытым замком.

На последней странице, свежими чернилами, было написано:

«Я вернулся. Потому что вернулся — значит, не уходил.

Дверь можно закрыть снаружи. Но изнутри она всегда открыта. Я слышу. Я помню. Я иду. Не ищите меня. Я там, где всегда был».

ЭПИЛОГ. ПИСЬМО, КОТОРОЕ НЕ ОТПРАВИЛИ

«Здравствуй, Лена.

Если ты читаешь это, значит, я снова поддался слабости и написал тебе. Не отвечай. Просто прочитай.

Я знаю, ты думаешь, что мы победили. Что Игнат закрыл дверь, что поселок умер, что всё кончено. Я тоже так думал. Первые недели. Даже месяцы.

Но я ошибался.

Дверь не закрывается. Ее можно только прикрыть. И то — ненадолго. Оно всё еще здесь. Везде. В воде, которая течет из крана. В отражении в витрине. В детском смехе за стеной. В моих снах, которые стали реальнее, чем жизнь.

Я не сошел с ума, Лена. Я просто начал понимать.

Оно не злое. Оно не доброе. Оно просто есть. Как гравитация. Как время. Как смерть. И оно старше всего, что мы знаем. Оно было здесь, когда Земля была молодым камнем. Оно будет здесь, когда от нас не останется даже пыли.

И оно ждет меня.

Я слышал его голос сегодня. Не во сне — наяву. Оно сказало: "Ты уже мой. Ты всегда был моим. Просто не знал".

И знаешь, что самое страшное?

Я не испугался.

Я почувствовал облегчение.

Потому что бороться — это больно. А сдаться — легко. Ты просто делаешь шаг. И вода принимает тебя. И всё заканчивается. Или начинается. Смотри с какой стороны посмотреть.

Прощай, Лена. Ты была единственным светлым пятном в этом кошмаре. Не возвращайся в Глухово. Никогда.
Твой Артём»

Квартира 13

Глава 1: Ключи

Дождь начался, как только Дмитрий вышел из маршрутки. Не летний, освежающий ливень, а холодная, промозглая морось, которая, казалось, сочилась из самого серого неба, висевшего над городом, как старый, прохудившийся матрас. Он поднял воротник куртки, но это не помогло. Влага проникала повсюду, липла к лицу, забиралась за шиворот.

«Ну вот и новоселье, Дима», — подумал он без всякой иронии, оглядывая двор.

Дом был таким, как на фотографиях в объявлении — и даже хуже. Девятиэтажная панелька, выкрашенная в блеклый, когда-то желтый, а теперь серо-горчичный цвет. Балконы, застекленные вразнобой, походили на гнилые зубы в пасти старого зверя. Асфальт во дворе был в трещинах, кое-где из них росла жухлая трава. Единственная детская площадка — покосившаяся горка и качели с одним порванным сиденьем — выглядела так, будто на ней лет сто не слышали детского смеха.

Чемодан на колесиках подпрыгивал на выбоинах, издавая звук, похожий на стон. Дмитрий сжимал в одной руке ручку чемодана, в другой — полиэтиленовый пакет с остатками вещей и ключи от «новой жизни». Ключи ему вручила риелторша, полная женщина с усталыми глазами и фальшивой

улыбкой, за полчаса до этого.

— Отличный вариант для одного, — щебетала она, показывая квартиру. — Тихие соседи, зеленый двор, развитая инфраструктура. Ну, в смысле, магазин «Пятерочка» за углом.

«Тихие соседи» — это было, пожалуй, единственное, что его сейчас волновало. После полугода жизни в квартире родителей, где постоянно орал телевизор, а отец ворчал по любому поводу, тишина казалась несбыточной мечтой. После того, как от него ушла Лена, забрав не только свои вещи, но и последние остатки его самоуважения, тишина стала навязчивой идеей. Он хотел раствориться в ней, исчезнуть.

Квартира номер 13, четвертый этаж, подъезд второй. Цифра «13» на табличке была прикручена криво. Плохой знак? Дмитрий никогда не был суеверным. Он считал себя человеком логики, пусть и неудавшимся. Знаки, приметы, гороскопы — все это для слабаков. Хотя, кто он теперь, если не слабак? Слабак, который не смог удержать ни жену, ни работу, ни собственную жизнь.

Дверь подъезда поддалась не сразу. Кодовый замок был разбит, и дверь просто висела на одной петле. Внутри пахло сыростью, кошачьей мочой и чем-то еще, едва уловимым — смесью старой побелки и застарелого табачного дыма. Этот запах, казалось, вьелся в само нутро дома.

Лифт, конечно же, не работал. На выцветшей бумажке, приклеенной скотчем к дверям, было написано от ру-

ки: «Лифт на ремонте. Пользуйтесь лестницей. Администрация». Дмитрий усмехнулся. «Администрация» этого дома, судя по всему, была такой же мифической, как и «зеленый двор».

Четыре лестничных пролета с чемоданом — то еще удовольствие. Ступеньки были выщерблены, перила шатались. На площадке между третьим и четвертым этажом он остановился перевести дух. Сердце колотилось где-то в горле. Физуха уже не та. Раньше он мог без остановки подняться на десятый этаж, а теперь... Теперь он чувствовал себя стариком в тридцать восемь.

Наконец, дверь квартиры. Дерматиновая обивка, протертая до дыр, из которых торчала пожелтевшая вата. Замок был старый, советский, и ключ проворачивался с трудом, с неприятным скрежетом.

Он вошел внутрь.

В квартире было темно и душно. Пахло пылью и еще чем-то, похожим на застоявшуюся воду. Дмитрий поставил чемодан и щелкнул выключателем в прихожей. Под потолком вспыхнула голая лампочка, залив тусклым желтым светом маленький коридорчик.

Слева — дверь в ванную и туалет, совмещенные. Справа — кухня, метров шесть. Прямо — единственная комната, метров семнадцать.

«Хоромы», — подумал он с горькой иронией.

Он медленно прошел по квартире, включая свет везде.

Обои в комнате, выцветшие, с неопределенным узором, местами отклеились. Мебель, оставшаяся от прежних хозяев, — старый диван, продавленный в середине, пара колченогих стульев, шаткий стол у окна и здоровенный платяной шкаф, стоящий у дальней стены. Шкаф был старым, темно-коричневым, с мутным зеркалом на дверце. Он выглядел как молчаливый страж этого убожества.

Окно выходило во двор. Сквозь невымытые стекла серый день казался еще серее. Дмитрий подошел к окну. Дождь усилился. Капли стучали по подоконнику, создавая монотонный, унылый ритм.

Он сел на край дивана. Пружины жалобно скрипнули. Тишина. Только дождь за окном.

Вот и все. Его новая жизнь.

Внезапно он почувствовал странное, неприятное ощущение. Легкое, едва уловимое. Будто за ним кто-то наблюдает. Он огляделся. Комната. Шкаф. Дверь. Ничего.

— Нервы, — сказал он вслух. Звук собственного голоса в пустой квартире прозвучал глухо и чужеродно.

Он заставил себя встать и начать разбирать вещи. Ему нужно было чем-то занять руки, чтобы не думать. Не думать о Лене, о том, как она собирала чемоданы, о ее холодном, отстраненном взгляде. Не думать о работе, с которой его уволили по сокращению. Не думать о будущем, которого у него, по сути, не было.

Он разложил немногочисленные пожитки. Ноутбук, па-

ра книг, одежда. В шкаф вешать ничего не стал. Ему было неприятно открывать его. Оттуда пахло чем-то затхлым, как из погреба. Он просто поставил сумку с одеждой на стул.

На улице начал сгущаться вечер. Серый свет сменился серыми сумерками. Дмитрий зажег настольную лампу на столе. Та едва горела, лампочка была слабой.

Он сидел на диване, смотрел в одну точку на стене, где обои слегка вздулись, и слушал дождь. В ушах стоял тихий звон. Звон одиночества.

Внезапно, сквозь монотонный шум дождя, он услышал звук. Тихий, едва различимый. Царапанье. Оно доносилось из стены, которая была смежной с соседней квартирой. Слева.словно кто-то вел ногтем по штукатурке с той стороны.

Дмитрий замер, прислушиваясь. Звук повторился. Легкое, сухое шуршание. «Царап-царап... царап-царап...»

«Мыши, — подумал он. — Или крысы. Обычное дело в таких домах».

Он попытался успокоиться, но звук не прекращался. Он был слишком ритмичным, слишком настойчивым, чтобы принадлежать грызуну. Это было похоже на то, как ребенок водит карандашом по стене.

Дмитрий встал и подошел к стене. Приложил ухо. Звук стал громче, отчетливее. Он доносился изнутри, из самой толщи бетона.

«Царап-царап... Царап-царап...»

Волна холодного воздуха пробежала по его спине. Ему

стало не по себе.

— Эй, — тихо позвал он. Глупо. Кому он это говорит?
Звук резко прекратился.

Наступила оглушительная тишина. Даже дождь, казалось, на мгновение стих. Дмитрий стоял, не дыша, прижавшись ухом к стене. Он чувствовал, как холодный бетон холодит щеку.

Тишина.

Он медленно отстранился. Выдохнул.

«Показалось. Или мыши. Просто мыши. Устал, нервы, новая обстановка».

Он отошел от стены, чувствуя, как колотится сердце. Внезапно он поймал свое отражение в мутном зеркале платяного шкафа. Человек с осунувшимся лицом, темными кругами под глазами и щетиной смотрел на него с той стороны. В тусклом свете лампы его лицо казалось серым, как стены квартиры.

Он выглядел загнанным. Больным. Старым.

В этот момент он увидел это.

Ему показалось, или отражение в зеркале на долю секунды отстало от его движения? Он повернул голову, а отражение... нет, оно тоже повернуло. Но с какой-то неуловимой задержкой? Или это просто игра света?

Дмитрий тряхнул головой. Он начал сходить с ума. Усталость, стресс, недосып. Нужно просто лечь спать.

Он подошел к дивану, даже не расстилая его. Просто снял

куртку, кинул ее на стул и лег, уставившись в потолок. Надо было купить постельное белье, подушку, одеяло. Но на это не было ни сил, ни желания.

Он лежал в темноте, слушая, как дождь барабанит по подоконнику. Звук царапанья не возвращался. Но вместо него пришло другое чувство — гнетущее, тяжелое ощущение, что он здесь не один. Что квартира не пустая. Что стены, пол и потолок наблюдают за ним. Слушают его дыхание.

Он закрыл глаза, но сон не шел. Мысли кружились в голове, как мусор, подхваченный ветром.

Внезапно он отчетливо услышал шепот. Тихий, неразборчивый, но явно человеческий. Он доносился... из шкафа?

Дмитрий резко сел на диване. Сердце бешено стучало. Он вгляделся в темноту. Шкаф стоял у стены, огромный, темный, как черный монолит. Его дверца была слегка приоткрыта. Из щели, казалось, сочилась тьма, более густая, чем та, что была в комнате.

Шепот повторился. Теперь он был громче. Это было похоже на обрывки фраз, на бессвязное бормотание. Словно кто-то говорил сам с собой внутри шкафа, прижавшись губами к щели.

Холодный пот выступил у него на лбу. Он не мог пошевелиться. Парализующий страх, животный, первобытный, сковал его тело.

Шепот стал настойчивее. Дмитрий различил одно слово, произнесенное с шипением, как змеиное:

— ...холодно...

Дверца шкафа приоткрылась еще шире. Сама по себе. Медленно, со скрипом, который прорезал тишину, как нож.

Внутри была крошечная тьма. И из этой тьмы на него смотрели. Он не видел глаз, но чувствовал взгляд. Тяжелый, немигающий, полный древней, нечеловеческой злобы.

Затем из шкафа высунулась рука.

Она была неестественно длинной, с бледной, почти прозрачной кожей, под которой виднелись темные вены. Пальцы, слишком тонкие и длинные, с обломанными грязными ногтями, скребли по полу, оставляя царапины.

Дмитрий хотел закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип.

Рука поползла к нему. Медленно, но неумолимо, извиваясь, как змея.

Он отпрянул к стене, вжался в нее спиной. Спасения не было.

Пальцы уже были у его ноги. Он чувствовал исходящий от них могильный холод.

И в этот момент раздался звонок в дверь.

Громкий, пронзительный, он разорвал вязкую пелену ужаса, как глоток ледяного воздуха.

Рука исчезла. Дверца шкафа с грохотом захлопнулась. Тишина.

Дмитрий сидел на диване, дрожа всем телом. Звонок повторился. Настойчивый, требовательный.

Он с трудом встал на ватные ноги и, хватаясь за стены, пошел в прихожую. Посмотрел в дверной глазок.

На площадке стояла соседка. Полная старуха в халате и бигуди. Она нетерпеливо жала на кнопку звонка.

Дмитрий открыл дверь.

— Ты чего шумишь на ночь глядя? — с порога накинулась на него старуха. — Стены трясутся! Мебель двигаешь? Совесть-то имей! Люди спят уже!

Она говорила что-то еще, но Дмитрий ее не слышал. Он смотрел на нее, как на призрака, пришедшего спасти его из ада. В его груди медленно, с трудом, восстанавливалось дыхание.

— Я... я не шумел, — прохрипел он.

— Как же не шумел! — всплеснула руками соседка. — Грохот стоял, будто шкаф уронили! Я уж думала, не случилось ли чего!

Шкаф. Дмитрий обернулся. Из прихожей был виден край комнаты. Шкаф стоял на месте. Его дверцы были закрыты.

— Не знаю, — прошептал он. — Я спал.

Старуха подозрительно посмотрела на него, окинула взглядом его помятый вид.

— Ну-ну, — проворчала она. — Веди себя тише. А то управу найду.

Она развернулась и, шаркая тапочками, пошла к своей двери. Дмитрий слышал, как лязгнул ее замок.

Он закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Спустился

мгновение он услышал это снова.

Царап-царап... Царап-царап...

Звук доносился уже не из стены. Он доносился из-за двери его комнаты. Из-за двери, ведущей в темноту.

Он стоял, не в силах пошевелиться, и слушал, как нечто скребется в его комнате, ожидая, когда он вернется.

Это был его первый вечер в новой квартире.

И он уже понял — эта квартира не хотела, чтобы он здесь жил.

Глава 2: Изнанка тишины

Свет пробивался сквозь немытые стекла, рассеивая ночные тени. Дмитрий лежал на диване, не решаясь открыть глаза. Он слышал, как за окном, во дворе, орут воробьи, как где-то наверху сосед сверлит стену, как гудит вода в трубах. Обычные, нормальные звуки. Звуки живого, пусть и убогого, мира.

Он открыл глаза.

Комната была залита тусклым утренним светом. Шкаф стоял у стены. Дверцы закрыты. Никаких царапин на полу. Никаких следов когтей.

«Приснилось, — подумал он с огромным облегчением. — Просто приснилось».

Но облегчение было недолгим. Слишком уж реальным был тот страх. Слишком отчетливым был звук царапанья. И

приход соседки... Это было наяву?

Дмитрий сел. Тело ломило, шея затекла от неудобной позы. Он спал в одежде, на голом матрасе. Во рту был мерзкий привкус, как после долгой болезни.

Он заставил себя встать и пройти на кухню. Там было так же уныло, как и вчера. Старая газовая плита, эмалированная раковина с ржавыми потеками, обшарпанный стол. Он открыл кран. Холодная вода с шумом полилась, забулькала, выплевывая ржавые капли. Дмитрий подставил ладони, умылся. Стало чуть легче.

Он выглянул в окно. Дождь прекратился, но небо оставалось серым, тяжелым. Во дворе дворник в оранжевой жилетке лениво скреб метлой по асфальту. У подъезда стояла женщина с коляской и разговаривала по телефону. Из-за угла выехала машина. Мир был обыденным, скучным, предсказуемым.

И это было прекрасно.

«Нервы, — повторил он себе. — Просто нервы. Переезд, стресс, усталость. Плюс, наверняка, духота. От этого бывают галлюцинации».

Он решил выпить чаю. Чая не было. Ни сахара, ни хлеба. Только пакет с его скудными пожитками. Нужно было идти в магазин.

Выход из квартиры казался подвигом. Дмитрий поймал себя на том, что медлит, прислушиваясь к тишине. Он смотрел на входную дверь, и ему казалось, что с той стороны кто-

то стоит. Затаился. Ждет.

Он резко открыл дверь. На площадке никого не было. Только пыльный коврик под ногами и старая газета у соседской двери.

Дмитрий вышел, захлопнул дверь, дважды проверил замок. Лестничная клетка. Тусклая лампочка. Он пошел вниз.

На площадке между третьим и четвертым этажом он увидел ее. Старуху из вчерашнего вечера. Она сидела на деревянном ящике, стоявшем у мусоропровода, и невидящим взглядом смотрела в стену. В руке она держала пустую авоську.

— Доброе утро, — вежливо сказал Дмитрий, проходя мимо.

Старуха медленно повернула голову. Ее глаза, выцветшие, почти бесцветные, смотрели сквозь него.

— Не шуми, — прошамкала она. — Он спит.

— Кто спит? — спросил Дмитрий, останавливаясь.

— Он, — старуха кивнула на мусоропровод. — Устал за ночь. Набегался. Теперь спит.

Дмитрий почувствовал легкий холодок. Он не хотел в это вдаваться. Мало ли сумасшедших старух в старых домах? Но что-то в ее голосе, в ее взгляде, было не просто старческим безумием. Это была уверенность. Спокойная, непоколебимая уверенность человека, который знает то, чего не знают другие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.